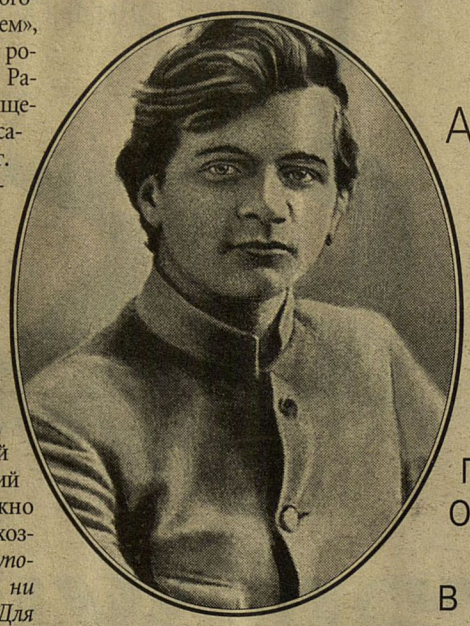
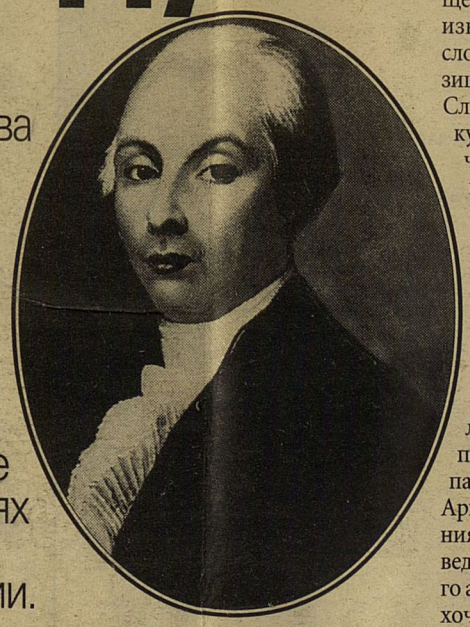
Платонов Андрей 06.09.1999

ДАТА

Уязвленная душа

Хронологическое слияние 250-летия Александра Радищева (30 августа) и 100-летия Андрея Платонова (1 сентября) дает новое измерение размышлениям о судьбах этих писателей и вообще о природе и функциях литературы в Российской империи.





Тем более что есть и прямые интертекстуальные связи: в 1937 году Платонов подписал договор с «Советским писателем», собираясь создать «радищевский» роман: «Путешествие по маршруту Радищева. Повторение поездки Радищева в обратном направлении и описание этой поездки». В марте 1937 г. Платонов ездил в Ленинград, в октябре работа над рукописью «Путешествия из Ленинграда в Москву» близка к завершению, потом по Платонову крепко ударил некий Гурвич, и начались «сложности».

Впрочем, можно представить себе, что это был бы за роман и какой была бы его судьба... Ведь то, что писал директор Петербургской таможни Радищев в главе «Вышний Волочек», без исправлений можно было вставлять в сочинение о колхозной сталинской нови: «*...Почел он употребить крестьян своих орудиям, ни коли, ни побуждения не имеющим... Для достижения своея цели он отнял у них малый удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне... Словом, сей дворянин некто всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба... Не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана... Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько птиц, которых господин иногда бирал себе, платя за них цену по своей воле... Варвар! Не достоин ты носить имя гражданина*».

Именно эти «восемнадцативечные» просветительские иллюзии, радищевские мысли о том, что «*бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы*», целиком определили и судьбу в литературе Платонова. Главное — написать правду, ибо действует идеалистическое убеждение, что идея первичнее материи, и верная («прямая») идея, Истина, родит правильное устройство мира. Никто в литературе сталинского периода так не близок к Радищеву, как Платонов, — своим одиноким исканием истины и ее безрассудным обнародованием. Совпадения и переклички можно перечислять и дальше: Радищев приступил к созданию своей знаменитой книги, когда ему был 31 год, Платонов пишет «Чевенгур» 27-летним; оба прожили свою жизнь «необорудованно» и умерли в 52 года; Екатерина II о Радищеве сказала: «Бунтовщик хуже Пугачева», великий Сталин на полях повести «Впрок» написал то же самое, но только проще: «Сволочь»; сочинение Радищева было запрещено в течение 115 лет (до 1905 года), платоновские «Чевенгур», «Котлован» и «Ювенильное море» пролежали в подполье около полувека («Чевенгур» даже 60 лет) — и тоже до идеологической революции в России, когда запреты прежнего царствования вдруг оказались бессмысленными. Вот только купить печатный станок и самому издавать свои книги, как это сделал Радищев, Платонов не мог.

После издательского бума конца 1980-х — начала 1990-х годов Платонов стал известен почти в полном объеме, его биография была популяризирована, а сам он на какое-то время даже вошел в моду. Благодаря этому в изложении основных вех и дат жизни и творчества в промежутке между 1899-м и 1951-м годами необходимости нет.

Именно радищевский фон позволяет верно понять природу **феномена Платонова**: это реликт просветительского классицизма внутри культуры «социалистического реализма». Платонов — несмотря на свое «правильное» пролетарское происхождение (а может быть, и благодаря ему, поскольку страна объявлена *пролетарской*) — в литературе и жизни проявляет истинный просветительский аристократизм, понимаемый как служение человеку. Это служение лишено поиска выгод, в принципе не может быть торга с властью по принципу «ты — мне, я — тебе». У Платонова напрочь отсутствуют стандартные для советских писателей социальные реакции, прежде всего готовность к выполнению «социального заказа» и стремление адаптироваться к идеологическим условиям. Антибюрократические инвективы «Города Градова», очень точно совпадающие с критикой класса новой советской бюрократий, предпринятой в 1924 г. Троцким в «Новом курсе», отнюдь не означают, что Платонов решил примкнуть к какой-то политической или литературной стае. Главное для Платонова — активно вмешаться в дела политические и идеологические, преодолев отторжение в России «частного» человека от политической деятельности. Традицию такого преодоления заложил именно Радищев. Он символ. В России политическая практика традиционно изолирована от культуры и нравственности, культура упорно не рождает органичную для себя, основанную на базовых ценностях политику. Отсюда самодурство владык, попытки претворить утопию, наконец, желание не политику вывести из культуры, а культуру вырастить из политики in vitro, примером чего являлись «пролетарская культура» и соцреализм. Вот с этим-то (включая и соцреализм) Платонов и борется своей прозой.

Когда запреты обступают его со всех сторон, Платонов идет работать инженером в «Росметровес» (середина 1930-х), прекращает писать художественную прозу вовсе (конец 1930-х), но не может сочинить то, что могло бы понравиться идеологическим командирам, им на потребу. Таких писателей в 1930-е и последующие годы были считанные единицы. Никаких компромиссов, никаких «Батумов», ничего такого, что потом надо было бы долго объяснять натиском бытовых обстоятельств. Чистый, можно сказать, идеализм. Чистая свобода мысли. Если в «Чевенгуре» (1927) еще видна попытка разобраться в происходящем, выраженная в виде пародии на пролетарскую утопию, то в «Котловане» (1930) ощутим уже ничем не сдерживаемый гнев обманутого человека, взбешенного тем, что пролетарская утопия начала с немыслимой энергией претворяться в жизнь, неся конкретному человеку смерть. Кто бы еще мог себе это позволить в период крутого и всех заворожившего усиления единоличной сталинской власти? Кто еще мог бы написать повесть, в которой дана открытая полемика со всеми выступлениями на Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов (20.12 — 27.12. 1929), в том числе и с выступлением Сталина? Кто мог бы отважиться на пародирование текстов Сталина? Михаил Пришвин высказывает в дневнике недовольство, что уже было отчаянной смелостью. А Платонов пишет антисталинскую повесть, предназначая ее для печати. К тому же вскоре Пришвин поспешил на вновь открытый Беломорканал им. тов. Сталина, а после воспел канал в отдельной брошюре. Платонов же, как и положено писателю-классицисту, объявляет себя «учителем», вступая в «культурное состязание» с монархом.

С нестандартностью Платонова была тесно связана потребность в *зоне одиночества*, в психологической дистанции, внутри которой должен находиться писатель и куда не могут быть допущены чужие. Сатирическая «Фабрика литературы» (1926) постулировала литературу как дело именно одинокое, и этот смысл был подкреплен написанным в том же году «Антисексусом», в котором мысли об одиночестве были изложены сексуальным кодом.

В середине 1920-х годов. Платонов увлекается созданием фантастических произведений. Сквозная тема — извлечение скрытой живой энергии. Вскоре такое извлечение порождает собственный метод. Во-первых, помещение людей в такие взаимные отношения, которые позволяют извлекать смысл жизни, смерти и того, что в платоноведении принято именовать «веществом существования». Во-вторых, извлечение смысловой энергии из слов, помещенных в необычные позиции по отношению друг к другу. Слова словно принудительно совокупляются, и рождаются новые значения, новые энергии. Это напоминает определение языка, данное Гумбольдтом: язык — не продукт деятельности, а сама деятельность. Платонов — «языковой пролетарий», пишущий на **неготовом** языке, который есть деятельность.

В журнале «Литературный критик» (1938, № 11), куда его вытеснили, Платонов поместил некролог «Александр Архангельский», посвященный памяти знаменитого пародиста. «На вопрос, почему он, Архангельский, не напишет сочинения на тему, которая не была бы выведенной им из произведения другого автора, Архангельский отвечал: «Не хочу. Я не могу написать двух слов — «Наступило утро» или «Она загадочно улыбнулась»...»». «Очевидно, — заключает Платонов, — что Александр Григорьевич думал о такой литературе, в которой условность формы, традиционность изложения, давление серого материала слов, блуждание в подробностях были бы наименьшими. Он думал о литературе, которая действовала бы «напрямую»...» Это, разумеется, сказано о себе. И потому сам вместо «Наступило утро» Платонов писал: «*Звонарь заиграл на колоколах чевенгурской церкви пасхальную заутреню — Интернационала он сыграть не мог, хотя и был по роду пролетарием, а звонарем — лишь по одной из прошлых профессий*». Или: «*Туманы словно сны погибали под острым зрением солнца*».

Наступление утра подано как результат борьбы враждебных начал, природа оказывается подобием битвы социальных сил. При таком законе построения фразы возникает исключительная плотность текста, явно превышающая норму. Платонова нельзя просто читать, его надо разгадывать. И судьба его, его стойкость по отношению к социальным искушениям — тоже непонятны, тоже бесконечно далеки от массовой практики. Наверное, потому мода на Платонова быстро прошла, и наш герой разделил судьбу Радищева — стал автором для филологов. «Чевенгур» — это вам не «Мастер и Маргарита», сделанный из обломков масскульта конца XIX — начала XX века.

Автор для филологов — наилучшая судьба для подлинно великого русского писателя. Никакая власть не захочет употребить в своих целях.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ